Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Крендели быта

16.05.2024.

Борис Пильняк (1894-1938)

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc пополнило свою коллекцию «Библиотека Димитрия» обновленным французским переводом повести Бориса Пильняка «Красное дерево».

Не могу сказать, что Борис Пильняк – мой любимый писатель. Или что «Красное дерево» – мое любимое произведение этого крайне плодовитого автора, при рождении названного Бернгардом Вогау: его отец был потомком тех самых немцев Поволжья, которым посвящен роман Гузели Яхиной «Дети мои». Но в сегодняшнем контексте, на фоне того, что происходит в России, в том числе и в России литературной, нельзя не признать, что привлечение внимания европейского читателя к этой повести очень своевременно не столько даже в силу ее содержания, сколько в силу той роли, которую она сыграла в судьбе ее автора.

Все у Бориса Пильняка шло хорошо. До такой степени, что в 1924 году сам Сталин

упомянул его в цикле лекций «Об основах ленинизма», упомянул скорее положительно, как автора рассказа «Голый год», отразившего «негативные явления в партийной среде». Случилось ли с Пильняком головокружение от успехов или просто «так вышло», но в 1926 году он заканчивает «Повесть непогашенной луны», в основе которой – слухи о насильственной смерти Михаила Фрунзе, не без участия Сталина. Номер «Нового мира», в котором повесть была напечатана, был изъят из продажи уже через два дня после выхода, однако Пильняк отделался тогда легким испугом – разгромной статьей в следующем номере того же «Нового мира». И больше ничего. Более того, в январе 1927 года принятое годом ранее постановление о снятии его из ведущих сотрудников трех литературных журналов было отменено, а в 1929 году он возглавил Всероссийский союз писателей.

И вот, находясь в этой важной на тот момент должности, он опубликовал в том же году повесть «Красное дерево», чем вызвал страшный скандал. Не из-за сути произведения, а из-за того, что оно вышло не в России, а в русскоязычном издательстве Петрополис, редакция которого почти в полном составе переехала в 1922 году из Петербурга в Берлин, перед отъездом успев издать последний прижизненный сборник Николая Гумилева «Огненный столп». Уже в Берлине издательство это опубликовало, в частности, сборник О. Э. Мандельштама «Tristia», «Колчан» и «К Синей звезде» Гумилева, книги Евгения Замятина и многое другое.

Судя по всему, Борис Пильняк не осознал, насколько за несколько лет изменилась страна – то, что могло сойти с рук в 1926-м, не сходило в 1929-м. На автора обрушился град критики, в которой участвовал даже Маяковский, а факт издания книги за рубежом был приравнен к предательству родины – сегодня Пильняка точно записали бы в иноагенты. Но он снова выжил, хотя и был отстранен от должности председателя Всероссийского союза писателей, который вскоре и сам был ликвидирован, как антисоветская организация. Уехать за границу Пильняку, в отличие от Евгения Замятина, не удалось. Не удалось и уйти от судьбы: 28 октября 1937 года он был арестован за связь с троцкистами, что Пильняк всячески отрицал, однако признался под пытками в работе на японскую разведку. 21 апреля 1938 года Борис Пильняк был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в государственном преступлении – шпионаже в пользу Японии, приговорён к смертной казни за измену родине и расстрелян в тот же день в Москве, на печально известном полигоне «Коммунарка». Но начало трагического конца было положено «Красным деревом» – 40 страниц определили судьбу.

В аннотациях часто пишут, что эта повесть о том, как идеалы революции разбились о быт НЭПа, и отмечают, что не стоило ее писать в 1929 году. Писать, может, и не стоило, однако нам тема видится иначе: повесть эта – о России как стране юродивых, распространяющих самые бредовые идеи и самих в них верящих, живущих в нищете, пьющих горькую, разглагольствующих об идеях и «опоздавших к поезду времени». Именно этих юродивых Пильняк и называет «кренделями быта».

В этой короткой повести сразу бросаются в глаза самые разные литературные и общекультурные влияния: от «Бориса Годунова», причем не только Пушкина, но и Мусоргского, отведшего в своей опере такую важную роль Юродивому, до «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, опубликованных всего двумя годами ранее. Не рассчитывая, видимо, на достаточную образованность современных ему читателей, Пильняк все «разжевывает»: если вдруг кто не догадался, что город, где

убили царевича Димитрия, этот «русский Брюгге и российская Камакура» – это Углич, то в конце повествования прямо указывается «убивец» Годунов, снявший со Спасской башни колокол. Под звон снимаемых с церквей колоколов живет город и в 20 веке, и этот постоянный звон – одна из причин всеобщего безумия. А на Остапа Бендера в качестве одного из прототипов безошибочно указывает стремление братьев Бездетных – «антикваров», приехавших в городок, чтобы за бесценок скупить у разорившихся мещан мебель из красного дерева, – собрать хотя бы половину «гарнитура». Не обошлось и без Гоголя с его говорящими фамилиями: бывшие революционеры, мечтавшие разжечь пожар революции, зовутся Огнев, Пожаров и охломон Ожогов. Тут тебе и намек на Булгакова – через оказавшихся по разные стороны революционных баррикад членом семьи Скудриных, и даже на «Чайку» Чехова: Ожогов, распивая водку, рассказывает своим «товарищам» о людях, летающих, как птицы, как орлы.

Поскольку поводом для данного анонса послужило переиздание повести на французском языке, нельзя не отметить ее крайнюю сложность для перевода. И дело не просто в образности языка Бориса Пильняка – чего стоит, например, «Китай-город в Москве был тем сыром, где жили черви юродов», – но и в изобилии архаизмов. Вот первый абзац: «Нищие, провидоши, побироши, волочебники, лазари, странники, странницы, убогие, пустосвяты, калики, пророки, дуры, дураки, юродивые – эти однозначные имена кренделей быта святой Руси, нищие на святой Руси, калики перехожие, убогие Христа ради, юродивые ради Христа Руси святой, – эти крендели украшали быт со дней возникновения Руси, от первых царей Иванов, быт русского тысячелетья. О блаженных мокали свои перья все русские историки, этнографы и писатели. Эти сумасшедшие или жулики – побироши, пустосвяты, пророки – считались красою церковною, христовою братиею, мольцами за мир, как называли их в классической русской истории и литературе.» Тут не всякий русскоязычный читатель разберется!

Однако перевел текст – и написал предисловие к нему – не кто-нибудь, а Жак Катто, профессор Сорбонны, один из крупнейших французских специалистов по русской литературе, имя которого уже не раз встречалось на наших страницах. Так что можно не сомневаться, что франкоязычные читатели все поймут и получат еще одну головоломку в копилку загадок русской души.

русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке
русская литература во французских переводах

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/les-bretzels-de-la-vie-quotidienne*